

16. Harvey D. Money, time, space, and the city [Geld, Zeit, Raum und die Stadt]. In: Wentz M. *City-rooms. The future of the City*. Frankfurt-on-Main; New York, Campus, 1991, pp. 149–168.
17. Gieryn T. What Buildings Do. *Theory and Society*, 2002, no. 31 (1), pp. 35–74.
18. Vilkovsky M.B. *Sotziologiya arkhitektury* [Sociology of architecture]. Moscow, Printing Moment, 2010. 588 p.
19. Schwarte L. *The rules of the Intuition, philosophy of art according to Adorno, Heidegger, and Wittgenstein* [Die Regeln der Intuition, Kunstphilosophie nach Adorno, Heidegger und Wittgenstein]. Munich, Wilhelm Fink Verlag, 2000. 275 p.
20. Mitchel W. *Image theory* [Bildtheorie]. Frankfurt-on-Main, Suhrkamp, 2008. 497 p.
21. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg Galaxy. Becoming human printing]. Moscow, Academic project, 2005. 496 p.
22. Fuko M. *Slova i veshchi. Archiologija gumantarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of the human Sciences]. Moscow, Progress publishers, 1977. 488 p.
23. Panofsky E. *Gothic and thought scholastic architecture. Translation and postface of Pierre Bourdieu* [Architecture gothique et pensée scolastique. Traduction et postface de Pierre Bourdieu]. Paris, Editions of Midnight, 1967. 217 p.
24. Boehm G. The return of the pictures [Die Wiederkehr der Bilder]. *Boehm Gottfried. What is a picture?* Munich, Wilhelm Fink publishing company, 1994. pp. 1–38
25. Gadamer H.G. *Istina i metod* [Truth and method]. *Bases philosoph. Hermeneutics*. Moscow, Progress, 1988. 704 p.
26. Imdal M. *Opyt drugogo videniya: statyi ob iskusstve X–XX vekov* [Experience of other vision: articles about art of the X–XX centuries]. Kiev, Spirit of i Litera Publ. house, 2011. 488 p.

УДК 114

ЛОКАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Т.И. Макогон

Томский государственный университет
E-mail: makogonti@mail.ru

Осуществляется социально-философский анализ обстоятельств, происходящих в местных сообществах под влиянием глобализации. Выявляются способы и формы противодействия в местных сообществах негативному влиянию глобальных процессов. Определяются новые социальные явления, вызванные глобальными влияниями. Соотноится шкала глобализирующих процессов и уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах в разных взаимодействующих полях, описывается уровень сетевого включения в полевые практики сообщества. Местные сообщества представляются топологическими пространствами, имеющими различные пространственные логики. Исследование позволяет размерность локального, измеряемого в шкалировании, воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Местные сообщества изображаются не только как глобальные конструкции локального, но и как локальные конструкции глобального. Глобализация и локализация являются параллельно протекающими в местных сообществах процессами.

Ключевые слова:

Местное сообщество, топология, глобализация, гомогенизация, гетерогенизация, собственная логика, идентичность местного социума, локальная практика.

Местные сообщества выступают механизмами сохранения локальной идентичности местного социума. Главная их особенность в том, что это миры повседневности, где все социальные отношения основываются на непосредственных отношениях между людьми. Здесь принципиально важно то, что сфера повседневной жизни местных сообществ является базовой основой формирования местных идентичностей. А именно, локальная, местная идентичность наполнена устойчивой информацией, непосредственно передающейся от поколения к поколению ? традициями, верованиями и т. д. – этими «первоначальными» знаниями, из которых создается первичный российский менталитет – менталитет российской повседневности. Процессы развития и укрепления местных сообществ вполне могут противодействовать глобальной мегасистеме, которая стремится перестроить мир только в своих собственных интересах [1. С. 49].

Сознание единства мира – самое большое достижение глобализации, однако чтобы сохранить, не

привести к распаду специфические, своеобразные локальные сообщества, необходимо уметь выявлять, анализировать обстоятельства, происходящие в сообществах под влиянием глобализации. Общепринятым является мнение, что сообщества при условиях глобализации попадают в ситуацию потери своеобразия. Специфические формы сообществ под функционалистским влиянием глобализации размываются, теряют уровень своего социального влияния. Мануэль Кастельс отмечает, что глобализационные процессы нивелируют все локальные и исторические проявления: «Моя гипотеза свидетельствует, что приход пространства глобальных потоков стирает смысловые отношения между обществом и его архитектурной. Пространственная манифестация господствующих интересов пронизывает все культуры в мире вдоль и поперек, ведет к перемещению знания истории и специфической культуры на задний план, способствует общему распространению внеисторической, внекультурной архитектуры» [2. С. 44].

Глобальные изменения размывают дифференциальные различия между сообществами, их выделение становится анахронизмом, однако местное сообщество, как топос, является главным носителем специфических черт социальной организации. Местные сообщества как предмет исследования в социально-философской теории и практике с давних времен воспринимаются как единства, противостоящие глобально-циркулирующим, гомогенизирующим потокам. Именно жители местных сообществ глобальные влияния и структурные предпосылки фильтруют, выбирают, отклоняют, преобразовывают или игнорируют. Местные сообщества, локалы, топосы могут быть представлены полями сопротивления глобализации. Именно эта традиция локального сопротивления против глобального, повторяющаяся в каждодневном действии, укрепляет местные сообщества, делает их социально сильными.

В социально-философском дискурсе мы видим в последнее время возрастающее внимание к месту, пространству (*spatial turn*), его своеобразию. Внимание возрастает не только к пространству, но и к местным сообществам, способным на местах противостоять процессам мировой глобальности [3].

Однако глобализация способна вызвать к жизни соревновательные тенденции между сообществами. Соревновательность как таковая – явление не новое, но позиционировать свое сообщество стало интересным и возможным именно в последнее время. Имидж сообщества, маркетинговые исследования в муниципальных образованиях стали учитываться при планировании их развития, сохранения. Большие сообщества под глобализационными влияниями действительно становятся местами динамического развития, что неизменно приводит к возрастающей гетерогенизации и поляризации метрополий, в отличие от периферийных сообществ. Глобализирующий пространственный порядок следует принципу: «Каждому по его способностям, сильным – силу» [4].

Создание супранациональных объединений, таких как Евросоюз, расширение глобальных сетей одновременно увеличивают роль и значение сообществ как действующих акторов – основных действующих ценностно-ориентированных единиц. Местные сообщества имеют хорошие потенциалы развития, действительно реальную способность к конкуренции. Исходя из растущей гетерогенизации и контекстной зависимости от проблемных ситуаций, не теряется до сих пор смысл управления в местных сообществах через совместные объединительные программы. Как ни парадоксально звучит, даже агрессивная агитация своих преимуществ отдельными местными сообществами дает рост и расширение возможностей и для других сообществ. Местные сообщества, индифферентные к таким изменениям, испытывают опасность деградации, распада, стагнации. Сетевая глобализация способствует массовой миграции, передвижению, росту массового туризма. Местные

сообщества уже вынуждены конкурировать за жителей. Именно местные сообщества, экономика этих сообществ, особенно в богатых странах мира, производят не только абстрактные продукты, но и традиционные и новые медиа, различные финансовые инструменты, имидж, идеи, стили. Символика и культура местных сообществ также вносит большой вклад в создание продуктов мирового уровня, нивелирует дифференциации между культурой и экономикой. Медиаиндустрия является одновременно и культурной индустрией, рекламные компании становятся культурными консументами, городской туризм становится экспандирующей экономической отраслью.

Глобализация сама по себе – это не сила, которая что-то решает в местных сообществах, мы используем это понятие для эмпирического описания форм отношений в них посредством сетей. Глобальные обменные отношения и отношения зависимости делятся на различные качества, а именно: на достижения сетевого экономического сообщества (отношения предпринимательские, финансовые рынки), технологического сообщества (электронные сети, транспортные линии, электро- и водоснабжение) и достижения культурного сообщества (обмен идеями и консументной продукцией, мобильность в туризме или через миграцию). Исходя из того, какой аспект взят во внимание, по-разному будет оцениваться уровень и своеобразие связи с глобальной сетью определенных отношений в местных сообществах. Считаем целесообразным выстраивать шкалу глобализирующих процессов и выводить уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах в нескольких взаимодействующих полях: территориального пространства, экономического и социально-культурного пространства.

Эти специфические полевые логики открываются классифицированным посылом интенсификации отношений под действием глобализации в сообществах, через них выявляются специфичность и своеобразие процессов гомогенизации или гетерогенизации. Поле экономики на современном уровне повсеместно демонстрирует проблему отсутствия функциональности глобальных объединяющих решений, в нашем случае – для местных сообществ, культурное глобализационное поле, напротив, вызывает тенденции осмысления места, локальных, местных культур в противовес гегемонистским устремлениям западничества и американизации. Однако из глобализационных сетей логически не следует, что глобализация и гомогенизация (или гетерогенизация) стоят в дедуктивном соотношении. Вопрос о гомогенизации или гетерогенизации является особенно важным в плане культурного сетевого воздействия, независимо от того, принимается ли это воздействие в сообществе или исторически повторяется. Но в местных сообществах глобализация и гомогенизация не состоят друг с другом в обусловленном отношении. Про-

цессы гомогенизации в местных сообществах можно наблюдать во временных фазах и в пространственных чертах, которые не вплетены пока еще в глобальные сети, например, в периферийных городских сообществах, в сельских поселениях.

Исторический экскурс позволяет сравнить явление глобализации, возникшей в эпоху постмодерна, с явлениями экспансии распространенных во всем мире великих религий (христианства, ислама, буддизма, конфуцианства), однако они также концептуально несут внутри самих религий стремление к гомогенизации. Постмодерн характеризуется своим притязанием на универсальное признание, хотя бы через победное шествие капитализма и возникновение национальных государств, а также через расцвет науки, ее институализацию в национальных исследовательских университетах. Именно в постмодернистское время полным ходом идет процесс образования почти одинаково окрашенных индустриальных сообществ, взрывной рост урбанистических агломераций. Георг Зиммель задолго до постмодерна предопределяет возможность такого явления: «Пунктуальность, исчисляемость, точность определяют городскую жизнь, стоят не только в тесной связи с ее экономико-денежным и интеллектуальным характером, но и окрашивают содержание жизни, исключая ее иррациональные, инстинктивные, суверенные черты, существо и импульсы, обеспечивающие жизненную форму, воспринимаются обобщенно и схематически» [5. С. 195].

Образ жизни большого городского сообщества, ставший логичным для его жителей, служит примером жизненного пути и для других сообществ, как правило, он окрашен анонимностью, рациональностью, техничностью и выглядит более демократичным. Выявить различие между привычным городским образом жизни и урбанистическим, постмодернистским можно в широте распространения рациональности жизненных установок. В то время как понятие городского образа жизни означает качественный аспект массового переселения людей в город, урбанизация понятийно от этого отличается, хотя содержательно ориентирована на городской образ жизни и подразумевает его в качестве общей доминирующей формы. Распространению этого европейского явления, безусловно, служат гомогенизирующие тенденции.

Одновременное внедрение в сообщества постмодерна и гомогенизации вносит в топологию местных сообществ определенную путаницу. Так как постмодерн подразумевался как процесс распространения гомогенизации, все же успех этого проекта в мировом масштабе более чем сомнителен. Местные сообщества с их специфическими культурными оболочками и интеллектуальными выходами постоянно привносят изменяющиеся культурные и институциональные образцы, которые представляют различные реакции на требования и возможности, содержащиеся в основных чертах постмодернистских цивилизирующих предпо-

лок. Экспансия постмодерна не принесла унифицированных и гомогенных сообществ, а их разнообразие свидетельствует, по сути, о приходе мультимодерна. Многообразие современных местных сообществ одновременно может констатировать, что это не результат процесса, категоризированного как глобализация. Внутренне многие сообщества похожи, в них сравнимы легитимации конкурентной политики, даже могут быть похожими их виды на открытках. Изменяющиеся культурные формации, институциональные созвучности с другими местными сообществами или городскими концентрациями могут передаваться также опытно.

Воздействие гетерогенизации и гомогенизации на местные сообщества среди других культурных воздействий способствуют диагнозу глобализации и дискурсу глобализации. Однако поле понимания гомогенизации и гетерогенизации в местных сообществах практически не исследовано.

Глобализация описывает уровень сетевого включения в полевые практики сообщества, гомогенизация и гетерогенизация являются обусловленными изменяющимися динамиками. Гомогенизация обозначает процесс выравнивания местных сообществ и через это – нивелирование их структурных дифференциаций. Концептуально гомогенизация заложена в постмодерн, но никогда не была в полной мере реализована, исходя из наших исследований местных сообществ. Гетерогенизация вызывает процесс различий и через него – выявление новых структурных дифференциаций. Гетерогенизация есть представленная практика в модуле реакции на экономическую глобализацию, но в местных сообществах она никогда не оставалась только ограничением или политикой сообщества. Чистая гомогенизация могла бы означать, что все местные сообщества, по меньшей мере, одинаковые по размеру или сравнимые по экономическому потенциалу, подвергнувшись процессу выравнивания, могли полностью утратить местный культурный элемент. Чистая гетерогенизация могла бы имплицитно показать, что местный культурный элемент и чужая культура могут длительно сосуществовать без взаимного влияния.

Наблюдая процессы культурной дивергенции в постмодерне, мы можем констатировать, что вряд ли это реально – длительное сосуществование без ассимиляционного влияния. Примеры наличия в сетевом мире альянсов между городами, взаимодействия политиков, появление городов-побратимов, экономических и технологических союзов, исторических общин – тому свидетельство. Можем воспользоваться примером исторических следствий колониализма в этом формате: отношения двусторонней зависимости стали возможны и между городами, далеко друг от друга расположенными, времена колониализма не только изменили местные сообщества в колониях, но и местные сообщества у себя дома. Поработители изменялись через порабощение.

Глобализационные процессы оказали влияния на большинство местных сообществ, многие местные сообщества пострадали от выравнивания, ассимиляции, уподобления. Уподобляясь, некоторые сообщества становятся измененными, другими, непохожими на себя. В местных сообществах сложно или почти невозможно воспринимать эти процессы типа «или/или», эти категории не обязательно лежат в одной плоскости. В отдельных случаях они могут вести себя ассиметричным образом. Редуцируется больше гомогенизация, тогда возникают процессы, провоцирующие гетерогенизацию. Они могут, меняясь местами, возрастать или снижаться. Как правило, длительные гомогенизирующие процессы в местных сообществах в какое-то время все равно спровоцируют возрастание гетерогенизационных процессов. Гомогенизация и гетерогенизация являются формами воздействия, и они не могут рассматриваться в точной оппозиции друг к другу или позиционироваться как противоречия или контрасты на одной оси с изменяющимися воздействиями. В местном сообществе невозможно выявить образец типа «больше гомогенности, одновременно меньше гетерогенности». Интересен процесс реализации в местных сообществах детерминированных комплексов действия и процессуальных модусов этих двух форм. В местных сообществах реально присутствуют и взаимодействующие воздействия, и смешение, ассимиляция, объединение различного (гомогенизация) и несмешение, т. е. новое возникновение различностей (гетерогенизация), однако они не являются причинными отношениями, а выводятся как культурные воздействия из повседневных значений и практик каждого отдельного сообщества.

Гетерогенизация часто проявляется в местных сообществах вместе с фрагментированием, понимаемым как процесс раздифференцирования привычных явлений. При фрагментировании есть опасность потери социального сцепления, когезии, силы сцепления социального в местном сообществе. Глобальные сетевые процессы в мире дают нам примеры, когда через гегемонистское гомогенизирование получается разрыв между формально благим и благополучным. Оба этих процесса имеют идеологический отпечаток. Гомогенный дискурс западного модерна излагается двумя различными способами: как культурно-критический собственный упрек и как идеализация единичного, угрожающего распасться на фрагменты.

Специфика местного через глобальное и локальное

Социально-философский анализ местных сообществ нуждается в категориях «глобальный», «локальный» как в аналитическом приеме. В глобализационных теориях общества с глобальным массовым единством часто не только цивилизационные формы, но и важнейшие рамки отношений в целом выпадают из поля зрения. Базисной категорией в пространственном, топологическом анализе местных сообществ становится шкалирование, как

процедура учета множества объективных и субъективных оценок процессов, полевых влияний, позволяющих учитывать одновременно не один параметр одного явления, а множество параметров многих явлений.

Петер Тейлор говорил, что Иммануил Валлерстайн в мировой системной теории рассматривал глобализацию как территориально распространяемое продолжение национальной логики и, таким образом, ввел горизонтальное различие между местным, национальным и глобальным. В его текстах познавательная ценность шкалирования научного предмета выигрывает в значении, если ее рассматривать одновременно как вертикальную, иерархизованную размерность социальных феноменов. Для Тейлора город – это область, сфера повседневного знания, национальное государство, мезосфера реального структурирования, сильно окрашенная идеологически, и глобальная структурированная шкала реальности [6. С. 19]. Феномены социального неравенства познаваемы в местных сообществах через национальное государство, идеологически переструктурированное под влиянием доминантности мировой экономики. Размерность локального, измеряемого в шкалировании, делает возможным локальное, местное, воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Локальное в социально-философской теории, в его пространственной окраске продумывается как специфическое место. Это место никогда не является чисто локальным. Более того, это вид взаимной встречи локального и глобального, что придает особое своеобразие нашему предмету исследования – местному сообществу. Шкалированием как раз и можно исследовать связь между интенсивностью глобализационных влияний и величиной вызываемых этими влияниями изменений. Шкалирование позволяет локальное и глобальное воспринимать как систему соотносительных понятий рядом с национальным пространством и развивать гипотезы об их взаимовлиянии. Продумывание социально-научного значения шкалирования с самого начала связывает два аспекта: темпоральный аспект и методологию. Наш интерес к процессу шкалирования объясняется наблюдением процессов реструктуризации современного глобального общества, которое производит новые пространственные форматы, усиливающие социальные дифференции. Шкалирование позволяет выявить расчлененные социальные отношения, включить их в иерархический помост территориальных образований, которые распространяются от глобальных измерений до супранациональных, национальных и вниз до региональных, городских, локальных и телесных измерений. Эти и другие измерения социологически и политически помечены, несмотря на то, что они кристаллизуют такие общественные ключевые процессы, как аккумуляция капитала, государственное регулирование, городской уклад и политическая борьба, и в известных сферах интегрируются

с более широким, вертикально структурированным шкалированным измерением. Глобализация, которая условно определяет национальное государство как шкалированную сферу, интенсивирует суб- и супранациональные формы территориальных организационных форм. Это изменение названо Эриком Свингедоу как *re-scaling* [7. С. 137]. А Нейл Смит обозначил его как *jumping scales* «прыгающая шкала» [8. С. 135].

Шкалирование требует концептуально располагать в нашем исследовании социальные феномены местных сообществ на различных шкалированных уровнях, чтобы самих себя закрепить на этих величинах. Шкала является организационной метрикой производства пространства. Шкала – больше чем пространственно-теоретическое понятие для введения различий между микро-, мезо- и макроуровнями. Шкалы от городских и региональных к национальным и глобальным понимаются не как данные территориальные образования, а как социально сконструированные и исторически измененные величины. В этом смысле шкала называет территориализацию процессом производства (глобализация, национализация, регионализация). Силу значения нужно искать не в досоциальных существующих пространственных разрезах, а в понятийно-концептуальном выражении для пространственно-социальных процессов образования современных стилей жизни. При этом шкалирование для каждого измерения (локального, национального, глобального) свою убедительность, приемлемость выявляет одновременно из ограничения ко всем другим. Таким образом, шкалы являются медиумами и предпосылками всех интеракций в местных сообществах. Так как пространственные измерения не означают контейнероподобные отрезки, может быть принята трансформация шкалированной иерархии.

Можно местные сообщества рассматривать как обобществленные единства в сравнении с национальными государствами. Так как в сравнительных исследованиях местных сообществ постоянно присутствует указание, что сообщества со стороны объединительной логики национального государства, по меньшей мере, через специфические сети акторов и институций, показывают свой собственный образец политического действия. В сфере качественных характеристик местные сообщества сравниваются по социально-структурным точкам зрения, через показ их собственного динамического развития. Значение социализации в сообществах тем больше имеет значение, чем больше современное национальное государство отнимает от него в плане социальных полномочий. Характер сообщества оказывает влияние на опции его развития. Размер различий между сообществами варьируется в зависимости от локальных политических сетей, акторов, которые, в свою очередь, формируют характер сообщества, так же как и сети, в свою очередь, имеют влияние на этот характер. В согласовании они могут показать, что институции и по-

литические формы образуют с культурой сообществ тесное соединение. В противовес дифференциациям между национальными государствами вариативные и влиятельные структуры сообществ являются конституирующими факторами социального и экономического успеха или неуспеха.

Герд Хельд указывает на возможность образования различных пространственных логик. Он присоединяется к наблюдению Фернанда Броделя, что местное сообщество и территориальное государство представляли собой в раннем модерне конкурирующие организационные формы пространственных образований, и развивает тезис о комплементарности больших сообществ и территориальных форм (последнее выигрывает сейчас перед восприятием национального государства – Т.М.) как образца пространственного порядка модерна [9. С. 56]. Г. Хельд предлагает выявлять не различие между городом и деревней, а различие между пространственными присоединительными логиками. Он отмечает структурную открытость современного большого городского сообщества и его пространственную присоединительную логику, в отличие от современного национального государства, чья логика находится в закрытой конструкции [10. С. 287].

Современные местные сообщества являются отдельным предметом исследования социальной философии, имеющим свою собственную форму социализации в дополнение к национальному государству. Местные сообщества распознаваемы по различным типам местных культур и организационным формам. Местное сообщество является локальным измерением со своим собственным качеством социализации в различных топологических полях. Восприятие пространства местного сообщества требует исследования дифференциаций между сообществами как социальных феноменов не только в глобальном и национальном пространстве, но и в своей собственной топологии. Категория пространства, места, где находится местное сообщество, является основополагающей для социально-философского анализа средствами топологии. Место, пространство местного сообщества определяет специфику процессов и действий в нем. Образцы значимости действий, практики и фигурации властных констелляций имеют в разных пространственных привязках различную приемлемость. Местные сообщества развиваются как социально-сконструированные, изменяющиеся социально-пространственные феномены, по действующему образцу осознания в них живущих. Образцы осознания являются конститутивными для понимания каждого отдельного сообщества. Местные сообщества, как социальные единицы в познавательном социально-философском поле, часто вытесняются вопросами исследования мирового сообщества. Д. Харви говорит о «пространственно-временной компрессии» в отношении исследований местных сообществ со стороны пространства глобальных потоков, которые пространство мест

делает старомодным [11. С. 78]. Глобализация открывает и показывает изменение многих концепций и моделей, которые помогают понять, в том числе, и специфику местного. То, что эмпирически определялось как глобализация, с 70-х годов идет с эпистемологическим переходом от традиционного, пространственно ограниченного понимания социального пространства к посттрадиционному, открытому плюралистическому его пониманию. Продумывание в пространственных реляциях, отношениях, а также в социально-сконструированных не субстанционализированных местах и пространствах ставит во главу угла исследований глобальные сети и локальную практику.

При шкалировании берутся во внимание как фиксированные, контейнероподобные величины, так и продукты политико-экономических процессов, местные медиа и предпосылки интеракций. Мы не видим аналитического смысла резервировать локальное исключительно как территориальные формы, а глобальное концептуализировать исключительно как мобильный, детерриторизированный мир. Мы не переносим социально-пространственные единицы на организационные формы и рассматриваем глобализацию и локализацию как две стороны одной медали. На одной стороне находятся стратегии конструкций локальных культур. На другой стороне находятся локальная продукция глобально циркулирующих артефактов, глобальное внедрение европейского территориального принципа, универсализация стандарта традиционно рыночного поведения и организационный образец формальной рациональности. Если пространство местных сообществ относительно концептуализируется, тогда сами локальности являются партикулярными моментами внутри этой топологии. Когда локальное и глобальное конституируют друг друга, тогда локальные места – не просто жертвы и не только продукты глобального. Напротив, они – моменты, через которые глобальное и конструируется, т. е. не только глобальные конструкции локального, но и локальные конструкции глобального. Для обозначения этого двойного процесса английский социолог Роланд Робертсон предложил очень удачный термин «глокализация» – как форма диалектики локального и глобального. Он утверждает, что «глобальные и локальные тенденции, в конечном счете, взаимодополняемы и проникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение» [12].

Глобализация и локализация – параллельно протекающие процессы. Ни одно место не может быть чисто локальным, государство – только национальным, глобус – только глобальным, это показывает, что исследование в форме шкалирования объединяет важные пространства, которые друг друга пересекают, перегружают и друг на друга влияют. Если мы акцептируем послы, что локальное, прежде всего местное сообщество очень важно, тогда местные сообщества надо воспринимать как предмет социально-философского анали-

за, так как они есть места, в которых мир в специфической форме получает значение, и места, воспринимаемые как различаемые и познаваемые, как своеобразные места. Обращение научного внимания на структуры местных сообществ не оспаривает преимуществ познания национального и глобально-концептированных изучений. Однако различные измерения социальной действительности возможны, когда глобальные изучения не будут иметь привилегию перед локальными. Сообщества – не только локальные образования, они развиваются в глобальных, национальных и локальных дискурсах. Надо спасать от глобализации не местные сообщества, а разросшееся общемировое сетевое пространство и его зависимость от гомогенизирующих и гетерогенизирующих воздействий. Посредством открытого изложения структурной логики сообщества и указания репродуктивной практики этих структур могут быть развиты стратегии, усиливающие потенциал сообществ.

Поэтому сегодня мы сознательно должны развивать местные сообщества, ведь цена упущенных возможностей будет велика, «поскольку скорость изменений условий существования человека, обусловленных быстрым развитием технических систем, несоизмерима со скоростью ответных реакций со стороны социальных систем, существующих посредством метода проб и ошибок, включающего в себя исторический опыт, демократию, здравый смысл» [13. С. 61].

Выводы

Выявляя посредством социально-философского анализа обстоятельства, происходящие в сообществах под влиянием глобализации, можно многое сделать для сохранения своеобразия местных сообществ. Местные сообщества противодействуют глобальным, гомогенизирующим потокам. Мировая глобальность вызывает к жизни вопросы внешнего позиционирования местных сообществ, повышает потенциал их развития, их действительно реальную способность к конкуренции. Шкала глобализирующих процессов и уровень переплетения глобальных отношений и отношений зависимости в местных сообществах осуществляется в полях территориального пространства, экономического и социально-культурного пространства. Глобализация описывает уровень сетевого включения в полевые практики сообщества, гомогенизация и гетерогенизация являются обусловленными, изменяющимися динамиками в них. Местные сообщества имеют различные пространственные логики. Размерность локального, измеряемого в шкалировании, делает возможным локальное, местное, воспринимать как отправную систему рядом с национальным и глобальным. Местные сообщества могут быть изображены не только как глобальные конструкции локального, но и как локальные конструкции глобального. Глобализация и локализация – параллельно протекающие в местных сообществах процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макогон Т.И. Местное самоуправление как ресурс ограничения глобализации // Вестник ТГУ. – 2008. – № 317. – С. 47–51.
2. Castells M. Das Informationszeitalter // Teil 1 der Trilogie. – Der Aufstieg der Netzwerkgesellschaft. – Opladen: Leske + Budrich, 2001. – 474 S.
3. Макогон Т.И. «Пространственный поворот» и возможность новационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия Томского политехнического университета. – 2012. – Т. 321. – № 6. – С. 167–172.
4. Aring J. Modernisierung der Raumordnung. URL: http://bfag-aring.de/pdf-dokumente/Aring_2005_Modernisierung_raumordnung.pdf (дата обращения: 09.11.2012).
5. Simmel G. Die Großstädte und das Geistesleben // Das Individuum und die Freiheit. Essays. – Berlin: Wagenbach, 1984. – S. 192–204.
6. Taylor P. Materialist Framework for Political Geography // Transactions of the Institute of British Geographers. – 1982. – № 7. – P. 15–34.
7. Swyngedouw E. Neither Global nor Local: «Glocalization» and the Politics of Scale // In Spaces of Globalization: Reasserting the Power of the Local. – New York; London: Guilford; Longman, 1997. – P. 137–166.
8. Smith N. Homeless/global: Scaling. Places // In: J. Bird, B. Curtis, T. Putnam, L. Tickner. Mapping the Futures. Local cultures, global, change. – London: Routledge, 1993. – 304 p.
9. Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 128 с.
10. Held G. Territorium und Großstadt. Die räumliche Differenzierung der Moderne. Verlag für Sozialwissenschaften. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 384 S.
11. Harvey D. The Condition of Postmodernity. – Cambridge; Oxford: Blackwell, 1989. – 320 p.
12. Робертсон Р. Точка глобального осознания. Модернизация модернизации // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Tochka-global-nogo-osoznaniya> (дата обращения: 07.12.2012).
13. Мехонцева Д.М. Универсальная теория самоуправления и управления. – Красноярск: КГТУ, 2001. – 74 с.

Поступила 25.01.2013 г.

UDC 114

LOCAL AND GLOBAL IN LOCAL COMMUNITIES

T.I. Makogon

Tomsk State University
E-mail: makogonti@mail.ru

The author has carried out social and philosophic analysis of circumstances occurred in local communities under globalization and has determined the methods and forms of resistance to negative impact of global processes in local communities. New social phenomena caused by global impact are defined. The scale of globalizing processes and the level of intertwining of global and dependence relations in local communities in different interacting fields are matched up; the level of network inclusion into the field practices of the community is described. The local communities are represented as topological spaces having different spatial logics. The study allows perceiving the size of locality measured in scaling as a starting system along with national and global. Local communities are represented not only as global constructions but also as local constructions of the global. Globalization and localization are parallel processes in local communities.

Key words:

Local community, topology, globalisation, homogenization, heterogenization, self logic, identity of local society, local practice.

REFERENCES

1. Makogon T.I. Mestnoe samoupravlenie kak resurs ogranicheniya globalisatsii [Local government as a resource limitations of globalization]. *Vestnik TSU*, 2008, no. 317, pp. 47–51.
2. Castells M. *The information age. The rise of the network society* [Das Informationszeitalter. Teil 1 der Trilogie. Der Aufstieg der Netzwerkgesellschaft]. Opladen, Leske + Budrich, 2001, P. 1, 474 p.
3. Makogon T.I. «Prostranstvenny povorot» i vozmozhnosti novatsionnykh podkhodov v sotsialno-filosofskom diskurse [«Spatial turn» and opportunities of innovative approaches in social-philosophic discourse]. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2012, vol. 321, no. 6, pp. 167–172.
4. Aring J. *Modernisation of the spatial planning* [Modernisierung der Raumordnung]. Available at: http://bfag-aring.de/pdf-dokumente/Aring_2005_Modernisierung_raumordnung.pdf (accessed 09 November 2012).
5. Simmel G. The large cities and the spiritual life [Die Großstädte und das Geistesleben]. *The individual and the freedom. Essays*. [Das Individuum und die Freiheit. Essays]. Berlin, Wagenbach, 1984, pp. 192–204.
6. Taylor P. Materialist Framework for Political Geography. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 1982, no. 7, pp. 15–34.
7. Swyngedouw E. Neither Global nor Local: «Glocalization» and the Politics of Scale. *In Spaces of Globalization: Reasserting the Power of the Local*. New York; London, Guilford; Longman, 1997, pp. 137–166.
8. Smith N. Homeless/global: Scaling. Places. In: J. Bird, B. Curtis, T. Putnam, L. Tickner. *Mapping the Futures. Local cultures, global, change*. London, Routledge, 1993. 304 p.
9. Brodel F. *Dinamika kapitalisma* [Dynamics of capitalism]. Smolensk, PolyGram demonstrate, 1993. 128 p.
10. Held G. *Territory and city. The spatial differentiation of the Modern* [Territorium und Großstadt. Die räumliche Differenzierung der Moderne]. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. 384 p.
11. Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. Cambridge; Oxford, Blackwell, 1989. 320 p.
12. Robertson R. Tochka globalnogo soznaniya. Modernizatsiya modernizatsii [Point of global awareness. Modernization of modernization]. *Russian journal*. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Tochka-global-nogo-osoznaniya> (accessed 07 December 2012).
13. Mechontseva D.M. *Universalnaya teoriya samoupravleniya i upravleniya* [Universal theory of government and management]. Krasnoyarsk, KSTU, 2001. 74 p.